

Нельзя не быть бесконечно благодарным Царю, который придаёт значение не только военной и чиновничьей деятельности, но и аристократической.

П. И. Чайковский —
фон Мекк, 2/14 января 1888 года.

Император Александр III оставил значительный след в деле развития музыкальной культуры России. Как писала после его смерти “Русская музыкальная газета” в номере от 11 ноября 1894 года, “память Государя всегда будет дорога русскому музыкальному миру”.

Тринадцать лет пребывания Александра III на престоле оказались чрезвычайно значительными и благотворными. Известный художник А. Бенуа писал после смерти Александра III: “Несомненно, его (Александра III. — Ю. К.) слишком кратковременное царствование было, в общем, чрезвычайно значительным и благотворным. Оно подготовило тот расцвет русской культуры, который, начавшись ещё при нём, продлился затем в течение всего царствования Николая II...”¹. По оценке С. П. Дягилева, “Александра III можно числить среди лучших русских царей. Для русской культуры он был, может быть, вообще самым лучшим из русских монархов. Это при нём начался расцвет и русской литературы, и живописи, и музыки, и балета. Всё, что потом прославало Россию, началось при Александре III”².

В 1872 году по инициативе цесаревича Александра Александровича было основано “Общество любителей духовой музыки”, в котором Александр Александрович участвовал лично³. В 1882 году, сразу после восшествия на престол, Александром III было утверждено “Положение о придворном музыкальном хоре”, который явился продолжателем дела “музыкального кружка” цесаревича Александра Александровича, созданного им в 1872 году. Учреждение Придворного оркестра, единственного в своём роде во всей Европе, состоялось тотчас же по воцарении Государя, по его личной инициативе⁴.

Царственная чета часто посещала оперу и была знакома со всеми музыкальными новинками и новыми оперными постановками. Фёдор Шаляпин в своих воспоминаниях отмечал: “Александр III любил ходить в оперу и особенно любил “Мефистофеля” Бойто. Ему нравилось, как в прологе в небесах у Саваофа перекликались трубы-тромбоны. Ему перекличка тромбонов нравилась потому, что сам был пристрастен к тромбонам, играл на них”⁵.

Александр III оказал прямую поддержку становлению в России русской оперы. В 60–70-е годы предпочтение отдавалось иностранным гастролёрам. В России господствовала итальянская опера. По словам П. И. Чайковского, русскому искусству “не оставалось для приюта ни места, ни времени”. Компо-

зритory “Могучей кучки” видели свою цель в продолжении заветов русского композитора Глинки в развитии русской национальной музыки. Они считали, что развитие искусства должно иметь огромное воспитательное значение. Александр III, вступив на престол, неоднократно подчёркивал, что “распространение искусства есть дело государственной важности”. Эту идею на протяжении всей своей жизни он активно проводил в жизнь как в области изобразительного, прикладного искусства, так и музыкального. Император осуществил смену лиц, определявших развитие музыкального дела в России. На место прежнего директора императорских театров был поставлен И. А. Всеволодский – поклонник музыки П. И. Чайковского. Во главе русской оперы – талантливый режиссёр, руководитель симфонических собраний Русского музыкального общества, композитор Э. Ф. Направник. “Русская музыка, – по словам директора Императорских театров князя С. Л. Волконского, – была далека, чужда, до неё надо было дорасти. Тут явился мост от старого к новому. Явился Чайковский... Чайковский нашёл музыкальную форму, в нём это прошлое запело, зазвучало, и зазвучало так естественно...”⁶.

Если до 1881 года Направником были поставлены три оперы Чайковского – “Опричник”, “Кузнец Вакула” и “Орлеанская дева”, – то с 1881 по 1893 годы были поставлены остальные пять опер: “Мазепа”, “Чародейка”, “Евгений Онегин”, “Пиковая дама”, “Иоланта”.

Из воспоминаний князя С. Л. Волконского: “Вряд ли есть много примеров в истории искусства, чтобы мера внешняя, чисто механическая оказала такое внутреннее влияние. Выдвинутая на первое место, лишённая соревнования, русская опера в несколько лет выросла до степени самостоятельной ценности... Повелением Александра III итальянская опера была упразднена. Большой театр был передан русской опере”⁷.

Ежегодно каждую весну Император рассматривал представляемый ему на предстоящий сезон репертуар и даже часто изменял его. Для популяризации оперы и более широкого допуска желающих были введены абонементы.

Направнику было предложено занять специально для него утверждённую должность управляющего Русской оперы. “Поражённый и тронутый столь лестным предложением, я просил графа (Воронцова-Дашкова. – Ю. К.), – писал Направник в своём дневнике, – доложить Государю, что я исполню волю его, но нахожу, что эта должность будет меня отвлекать от упорной работы при разучивании опер и от дирижирования и что при том доверии, которым я ныне пользуюсь со стороны Государя, министра и директора, учреждение подобной должности я не считаю необходимым”⁸. Император согласился с мнением композитора.

Весной 1882 года государем был утверждён новый бюджет для Русской оперы: вместо прежних 169 тысяч – 274 тысячи; хор с 88 человек увеличен до 120 человек, оркестр (оперы и балета) с 124 артистов до 165-ти.

Между П. И. Чайковским и Александром III на протяжении многих лет установились уважительные и весьма доверительные отношения. Ещё будучи цесаревичем, Александр Александрович помогал композитору материально, а став императором, оказал композитору не одну услугу. Исполняя его просьбы, связанные с постановкой оперных спектаклей на сценах императорских театров С.-Петербурга и Москвы, он продолжал оказывать ему значительную материальную поддержку.

В 1881 году П. И. Чайковский, постоянно нуждавшийся в деньгах, обратился к члену Государственного Совета, обер-прокурору Синода К. Победоносцеву с письмом: “...меня осенила мысль дерзнуть просить Государя, чтобы он повелел из казённых сумм выдать мне три тысячи рублей серебром заимообразно, то есть чтобы долг мой казне постепенно погашался причитающейся мне из дирекции императорских театров поспектакльной платой. ...я выскажу Вам откровенно, почему у меня хватило смелости решиться на этот шаг. Мне передавали, что будто бы Государь изволил однажды в самых милостивых выражениях отозваться о моих музыкальных трудах. Я не имею основания не верить этому счастливому для меня обстоятельству, и вот, ободрённый бесконечно лестным вниманием его Величества к моей музыке, я решился просить его оказать мне милость”⁹.

Ответ государя не заставил себя ждать. Он был краток: “Посылаю Вам (Победоносцеву К. П. – Ю. К.) – для передачи Чайковскому – 3.000 р. Передайте ему, что деньги эти он может не возвращать. 2 июня 1881 г. А.”.

Композитор высоко оценил жест государя. “Я глубоко тронут той формой, в которой выразилось внимание Государя к моей просьбе. Боюсь, что письмо моё недостаточно сильно выражает то, что в сердце моём чувствую”, — писал композитор в ответном письме К. Победоносцеву.

Для коронационных торжеств в Москве П. И. Чайковскому был заказан торжественный коронационный марш для оркестра и кантата “Москва” на слова Аполлона Майкова.

При постановке оперы “Евгений Онегин” у П. И. Чайковского возникли серьёзные трудности. Некоторые коллеги, выступившие с критикой его произведений (среди них был, в частности, композитор Ц. Кюи), заявляли, что музыка однообразна и скучна, и даже что у Чайковского “отсутствовал музыкальный слух”. “Император Александр III, — пишет в своей книге о Чайковском М. Шух, — сделался тем, кто переломил общественное мнение о композиторе... Когда сам император посетил оперу, критикам пришлось замолкнуть окончательно...”¹⁰.

Отсутствие поддержки среди коллег музыкантов П. И. Чайковский ощутил рано, ещё будучи студентом Московской консерватории. Об этом свидетельствует его письмо немецкому писателю Э. Цабелю от 24 мая 1892 года. Когда последний обратился к П. И. Чайковскому с просьбой написать воспоминания об А. Г. Рубинштейне, который был среди учителей П. И. Чайковского, композитор ответил ему следующим письмом: “...Я покинул консерваторию, полный безграничного восхищения и благодарности к своему учителю (имеется в виду А. Г. Рубинштейн. — Ю. К.)... Нас разделяла пропасть. Покидая консерваторию, я надеялся, что, работая и понемногу пробивая себе дорогу, я смогу когда-нибудь преодолеть эту пропасть и добиться чести стать другом Рубинштейна.

Этого не случилось. Прошло с тех пор почти 30 лет, но пропасть стала ещё глубже. Благодаря моему профессорству в Москве я сделался близким другом Николаю Рубинштейну. Я имел счастье время от времени видеть Антона, я всё так же надеялся горячо любить его и считать его величайшим артистом и благороднейшим человеком, но не стал, и никогда не стану его другом...

Мне трудно объяснить причину. Но думаю, однако, что тут большую роль играет моё композиторское самолюбие. В молодости я очень нетерпеливо пробивал себе дорогу, старался приобрести репутацию талантливого композитора, и я надеялся, что Р[убинштейн], который уже тогда имел высокое положение в музыкальном мире, мне поможет в моей погоне за лаврами. Но я с горестью должен сознаться, что А[нтон] Р[убинштейн] не сделал ничего, решительно ничего, чтобы содействовать моим желаниям и проектам. Никогда, конечно, он мне не вредил — он слишком благороден и великодушен, чтобы вставлять собрату палки в колёса, — по отношению ко мне он никогда не изменил тону сдержанности и благосклонного равнодушия. Это меня всегда глубоко огорчало. Самое убедительное объяснение этой обидной холодности — *нелюбовь к моей музыкальной личности*...

Я имел счастье во время его юбилея много потрудиться, он по отношению ко мне всегда очень благосклонен и корректен, но мы живем далеко друг от друга, и мне решительно нечего Вам сказать о его образе жизни, о его взглядах и намерениях, словом, ничего, достойного интереса для читателей Вашей будущей книги”¹¹.

Чайковский постоянно чувствовал поддержку императора Александра III и был ему за это благодарен. В августе 1883 года он сообщал фон Мекк: “Теперь, безо всякого с моей стороны аванса, обе дирекции — и петербургская, и московская — с каким-то непостижимым рвением хватаются за мою оперу... Решительно не понимаю источника такого благоприятного ко мне отношения театральных сфер, но тут должна быть какая-нибудь тайная причина, и я не могу придумать ничего другого, как то, что, может быть, сам Государь выразил желание, чтобы мою оперу поставили на обеих столичных сценах как можно лучше”.

Соломон Волков, уделяя этой теме особое внимание, писал: “Это он (Александр III. — Ю. К.) настоял, чтобы оперу Чайковского “Евгений Онегин” поставили в Петербурге в Императорском театре. Никто этого не хотел делать! Музыканты были против, они завидовали Чайковскому, говорили: это плохая опера, несценичная, публике не понравится. Но государь велел, и музыкантам пришлось подчиниться”¹².

В 1884—1885 годах постоянно высокое покровительство императора и императрицы проявлялось особенно явно. В 1884 году Чайковский был награж-

дён орденom Святого Владимира 4-й степени и пенсией в 3 тысячи рублей. В 1884 году при поддержке Александра III была поставлена сначала в С.-Петербурге, потом в Москве опера “Евгений Онегин”. Из письма Чайковского фон Мекк от 13 марта 1884 года: “...Государь велел в будущем сезоне поставить “Онегина”. Роли уже розданы, и хоры уже разучиваются...”¹³.

Из письма от 18 января 1885 года: “После свадебного обеда я поехал прямо в Большой театр, где происходило пятнадцатое представление “Онегина” в присутствии Государя, императрицы и других членов царской фамилии. Государь пожелал меня видеть, побеседовал со мной очень долго, был ко мне в высшей степени ласков и благосклонен, с величайшим сочувствием и во всех подробностях расспрашивал о моей жизни и о музыкальных делах моих, после чего повел меня к императрице, которая, в свою очередь, оказала мне очень трогательное внимание...”¹⁴.

Девять духовных музыкальных сочинений П. И. Чайковского были написаны композитором по приглашению императора. Среди них знаменитая Всенощная и Литургия Святого Иоанна Златоустого.

Чайковский в 1886 году, оценивая вклад государя императора в развитие духовной музыки в России, писал: “...Вообще в последнее время наша духовная музыка начинает идти по хорошей дороге вперёд. Виновником этого движения – сам Государь, очень интересующийся совершенствованием её и указывающий, по какому пути нужно идти. Со мной он дважды беседовал об этом предмете, и все мои последние вещи написаны по его приглашению и в том духе, которого он желает...”

В связи с созданием своих духовных сочинений композитор в дневниках замечал: “В душу мою всё больше и больше проникает свет веры”. И далее: “...Я совсем иначе отношусь к Церкви, чем Вы, – писал Чайковский фон Мекк 23 ноября/5 декабря 1877 года. – Для меня она сохранила очень много поэтической прелести. Я очень часто бываю у обедни; литургия Иоанна Златоуста, по-моему, – одно из величайших художественных произведений. Если следить за службой со вниманием, вникая в смысл каждого обряда, то нельзя не умилиться духом, присутствуя при нашем православном богослужении. Я очень люблю также всенощное бдение. Отправиться в субботу в какую-либо деревню, небольшую церковь, стоять в полумраке, наполненном дымом ладана, углубляться в себя и искать в себе ответ на вечные вопросы: для чего, когда, куда, зачем, пробуждаться от задумчивости. Когда хор запоёт: “От юности моя мнози борят мя страсти” – и отдаваться влиянию увлекательной поэзии этого псалма, проникаться каким-то тихим восторгом, когда отворятся Царские ворота и раздастся: “Хвалите Господа с небес!” – о, всё это я ужасно люблю, это одно из величайших моих наслаждений!”¹⁵

Из письма П. И. Чайковского фон Мекк от 13 марта 1881 года: “...Ежечасно и ежеминутно благодарю Бога за то, что он дал мне веру в Него. При моём малодушии и способности от ничтожного толчка падать духом до стремления к *небытию* – что бы я был, если бы не верил в Бога и не предавался воле Его?...”¹⁶

Императору Александру Александровичу были всегда близки мотивы русских народных песен, которые ввёл Чайковский в свои оперы. Композитор высоко ценил русскую народную музыку, о чём свидетельствует его письмо от 15 января 1891 года архитектору В. О. Шервуду.

“...Русский народно-музыкальный элемент со всеми своими мелодичными, гармоническими и ритмическими особенностями, начиная с Глинки, сделался достоянием всех русских композиторов...”

“...русская хоровая песня и сама по себе, и, нередко, по совершенству исполнения имеет бездну всяческих красот. Ведь рожечники – это те же русские мужички, которые, вместо того чтобы петь песню, играют её. Нет никакого сомнения, что русские крестьяне, особенно живущие вдали от центров, когда сходятся петь хором, проявляют замечательную способность инстинктивно гармонизировать свои чудные мелодии иногда так хорошо, как будто наука гармонических сочетаний им близко знакома. Но ведь такой способ петь хором – точно так же, как и самая песнь, прельщающая нас несказанной красотой и мелодии, и гармонии, и ритма, есть продукт народного творчества. А народное творчество есть дело целого длинного ряда веков, и творцом в данном случае является этнографическая единица, состоящая из миллиона миллионов людей уже отживших, а отчасти и теперь здравствующих”¹⁷.

П. И. Чайковский не раз подчёркивал, что его музыка “всегда принадлежала русскому народу”, России, которую он любил страстно как истинно русский человек. “Как бы я ни наслаждался Италией, какое бы благотворное влияние ни оказывала она теперь на меня, — рассказывал Чайковский фон Мекк 9/21 февраля 1878 года, — а всё-таки я остаюсь и навеки останусь верен России. . . Я ещё не встречал человека, более меня влюбленного в матушку-Русь вообще и в её великорусские части — в особенности. . . Я страстно люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума, русскую красоту лиц, русские обычаи. . . Я думаю, что мои симпатии к Православию, теоретическая сторона которого давно во мне подвергнута убийственной критике, находится в прямой зависимости от врождённой у меня *влюблённости* в русский элемент вообще. Вовсе напрасно я пытался бы объяснить эту *влюблённость* теми или другими качествами русского народа. Качества эти, конечно, есть, но влюблённый человек любит не потому, что предмет его любви прельстил его своими добродетелями, — он любит потому, что такова его натура, потому, что он не может не любить. Вот почему меня глубоко возмущают те господа, которые готовы умирать с голоду в каком-нибудь уголку Парижа, которые с каким-то сладострастием ругают всё русское и могут, не испытывая ни малейшего сожаления, прожить всю жизнь за границей на том основании, что в России удобств и комфорта меньше. Люди эти ненавистны мне; они топчут в грязи то, что для меня несказанно дорого и свято”¹⁸.

Когда у композитора возник конфликт с дирекцией театра “Московская опера”, которая не хотела соглашаться с намерением оркестра Чайковского исполнять впервые в свой бенефис оперу Чайковского “Черевички”, Чайковский через великого князя Константина Константиновича Романова пытался привлечь для разрешения конфликта императора Александра III. 31 декабря 1886 года великий князь Константин Константинович писал П. И. Чайковскому: “. . . я лично спросил Государя, возможно ли исполнить ваше желание, и получил ответ, что всё будет устроено, если не встретится каких-либо препятствий. . .”

Весной 1886 года в письме к великому князю Константину Константиновичу Пётр Ильич обратился с просьбой о содействии в получении одобрения на посвящение императрице Марии Фёдоровне 12-ти своих романсов. Он писал: “Я был бы в высокой степени счастлив, если бы Государыня приняла почтительнейшее посвящение их Её Величеству”. Среди этих романсов были: “Вчерашняя ночь. . .” (слова А. С. Хомякова), “Я тебе ничего не скажу. . .” (слова А. А. Фета), “О, если бы знали вы. . .” (слова А. С. Пушкина), “Простые слова” (слова П. И. Чайковского), “Ночи безумные” (слова Я. П. Полонского), “Песнь цыганки” (слова Я. П. Полонского), “За окном в тени мелькает. . .” (слова А. С. Хомякова), “Нам звёзды кроткие сияли. . .” (слова А. Н. Плещеева) и др.¹⁹

В этом же письме была выражена и другая просьба: “Я окончил недавно сочинение новой оперы моей “Чародейки”, — писал композитор, — и буду в течение наступающей зимы оркестровать её. Если будет можно надеяться, что Государю не покажется слишком смелым моё пламенное желание посвятить ему эту, вероятно, последнюю и, вероятно, лучшую мою оперу, — то в своё время снова обращусь к Вашему Высочеству, и буду просить Вас об оказании мне покровительства Вашего!”²⁰.

Об особых доверительных отношениях между композитором и государем свидетельствуют письма, сохранившиеся в российских архивах. Так, находясь в июне 1887 года в Боржоми, Чайковский в письме Александру III просит его распорядиться о выделении денег на завершение строительства Тифлисского театра. В письме говорилось:

“. . . Быть может, Вы, Государь, простите мне дерзновение моё, если изволите принять во внимание, что мне как русскому музыканту нельзя не сочувствовать живейшим образом всему, что содействует развитию, распространению и упрочению русского искусства. . .”

В Тифлисе строится на казенные суммы превосходный, величественный театр. . . Для того чтобы театр был устроен и открыт, нужна по смете сумма в 235 тысяч рублей сер[ебром]. . . чем раньше сумма эта будет выделена в распоряжение тифлисского начальства, тем скорее наступит эпоха процветания русского искусства на далёкой прекрасной окраине Вашей. . .

Быть может, Ваше Императорское Величество, найдёт возможным в ближайшем будущем осуществить достойные Вашего милостивого сочувствия

вожделения тифлисской публики, и если мой слабый голос хоть отчасти послужит к тому поводом, то я почту себя глубоко счастливым.

Ваше Императорское Величество, испрашиваю всемилостивейшего прощания Вашего за дерзость, с которою я осмелился обратиться с настоящим ходатайством моим непосредственно к Вашему Величеству, имею счастье быть Вашего Императорского Величества верноподанный и беспредельно преданный слуга. Пётр Чайковский²¹.

Александр III согласно просьбе Чайковского распорядился о выделении необходимых средств для скорейшего завершения строительства Тифлисского театра, который впоследствии получил имя Захария Палиашвили.

В 1888 году последовали распоряжения Александра III о назначении композитору пожизненной пенсии. "...Сегодня, милый друг, я получил очень важное и радостное известие, — писал Чайковский из Германии 2/14 января 1888 года фон Мекк. — Государь назначил мне пожизненную пенсию в три тысячи рублей серебром, меня это не столько ещё обрадовало, сколько глубоко тронуло. В самом деле, нельзя не быть бесконечно благодарным царю, который придаёт значение не только военной и чиновничьей деятельности, но и артистической..."

Императорская чета посещала практически все оперные постановки П. И. Чайковского. Когда в 1892 году на сцене С.-Петербурга с успехом прошли опера Чайковского "Иоланта" и балет "Щелкунчик", Пётр Ильич в письме своему брату А. И. Чайковскому, сообщая об успешной постановке оперы и балета, особо подчёркивал, что император Александр III "был очень доволен его произведениями". Он писал: "Милый Толя! Опера и балет имели вчера большой успех, особенно опера всем очень понравилась. Накануне была репетиция с Государем. Он был в восхищении, призывал в ложу и наговорил массу сочувственных слов. Постановка того и другого великолепна — глаза устают от роскоши..."

Из воспоминаний графа С. Д. Шереметева: "Однажды в 1893 году глава государства был как-то особенно музыкально настроен и потребовал, чтобы сыграли одну из пьес Чайковского. Хор (вероятно оркестр. — Ю. К.) играл в этот день особенно хорошо, и впечатление было сильное. Государь пожелал повторения и слушал с видимым наслаждением... Все разошлись несколько позднее обыкновенного и под чудным настроением, а на другой день узнали, что в самое время, когда это происходило в Гатчине, умирал Чайковский. Казалось, мы слышали его лебединую песнь. И тот, кто слушал её так внимательно и так наслаждался ею, недолго пережил его..."²².

После смерти П. И. Чайковского его брат Модест Ильич, оценивая ту огромную роль, которую сыграл Император в судьбе его брата, писал великому князю Константину Константиновичу, являвшемуся президентом Российской Академии наук: "...Если бы в 1877 г., когда оперы его не давали ещё денег, у брата Петра не явились неожиданные средства, позволявшие ему оставить категорию преподавания, если бы Государь Император, тогда ещё Цесаревич, не являлся изредка ему на помощь, то нервная болезнь, начавшая развиваться у брата, не дала бы создать половины того, что он сделал с тех пор; скажу больше, вряд ли он дожил бы и до 53 лет при таких условиях, потому что во время своего профессорства, чтобы сочинять, надо было урывать часы в такое время, когда занятия губительно действуют на здоровье нервных людей, <о> <е> <с> <т> <ь> вечером и ночью. "Евгений Онегин" никогда бы не был написан, если бы как раз в это время существование брата не было обеспечено, помимо заработка в консерватории²³. Он не мог, не смел бы написать такой вещи, потому что и во время создания её, и долго после считал эту оперу "фантазией обеспеченного человека", делом, которое ничего не принесёт ему в материальном положении. Только при таких условиях творчества ему удалось написать вещь свободно, как хотелось, без боязни, что она не даст денег, и именно она-то и обогатила его впоследствии. Высочайше пожалованная пенсия затем ещё более увеличила его благосостояние и дала возможность сознавать себя вполне обеспеченным до конца жизни, независимо от успеха той или иной оперы. Это было великое благодеяние, которое он очень ценил. И ещё несколько дней до кончины говорил мне, что отсутствие на репертуаре его опер далеко не так уж заботит его вследствие постоянной, верной помощи, дарованной ему Государем Императором..."²⁴.

Незадолго до смерти П. И. Чайковский, всегда поддерживавший молодых талантливых композиторов, подготовил в редакцию газеты "Русские ведомос-

ти” письмо, в котором он обращал внимание на Г. Э. Конюса, чья сюита “Из детской жизни” была впервые исполнена 25 февраля 1893 года в концерте Императорского русского музыкального общества²⁵.

По неизвестным причинам письмо отправлено не было. После смерти П. П. Чайковского его брат Модест Ильич Чайковский нашёл в бумагах брата черновик. Через великого князя К. К. Романова он довёл до сведения императора Александра III содержание письма. Император, ознакомившись с содержанием, счёл пожелание П. П. Чайковского, высказанное в последних строках, его “последней волей” и дал указание о назначении композитору Г. Э. Конюсу ежегодной пенсии в размере 1200 рублей в год.

Александр III оказал большую материальную помощь Московской консерватории. Когда министр финансов И. А. Вышеградский (по просьбе своего зятя В. И. Сафонова, который был тогда директором Московской консерватории) обратился в 1893 году к Александру III с просьбой выделить необходимые для перестройки здания суммы, император тут же дал распоряжение о выделении 400 тысяч рублей.

В. И. Сафонов писал П. И. Чайковскому: “Теперь будем иметь свои два зала”. В ответ композитор 3 июля 1893 года писал: “Милый друг Василий Ильич! Письмо твоё преисполнило меня живейшей радости и вместе с тем удивления и восхищения по отношению к тебе. Ты совершил действительно великое и благое для Московского музыкального общества дело! Bravo, нет не soli Deo, но Gloria и тебе, и Царю!”²⁶.

Высоко оценивая развитие музыкальной культуры в России в годы царствования Александра III, композитор А. Рубинштейн в своих воспоминаниях писал: “Когда я вспоминаю музыкальную Россию 25 лет тому назад, то я не могу не воскликнуть: неужели такие огромные результаты консерватории могли дать в 25-тилетний срок своего существования!”

Император сделал многое для увековечивания памяти великих русских композиторов. При одобрении императора и его содействии была организована всенародная подписка на памятник основоположнику русской классической музыки – оперной и симфонической – М. И. Глинке, который был торжественно открыт в Смоленске 20 мая 1885 года. В 1892 году, когда праздновался 50-летний юбилей оперы “Руслан и Людмила”, с согласия императора Александра III одной из улиц Санкт-Петербурга было присвоено имя композитра.

Император пожаловал вдове А. Н. Серова, В. С. Серовой 3 тыс. рублей на издание полного собрания музыкально-критических статей композитора. При одобрении и согласии императора был освящён памятник великому польскому композитору Ф. Шопену.

Современники высоко оценивали вклад императора Александра III во все области культурной жизни России. П. И. Чайковский 5 марта 1885 года писал Н. Ф. фон Мекк: “Было время, когда я совершенно искренно верил в то, что для устранения произвола и водворения законности и порядка необходимы политические учреждения вроде земских соборов, парламентов, палат и т. д. и что стоит только завести что-нибудь подобное, и всё у нас будет великолепно, и все почувствуют себя счастливыми. Теперь не то чтобы я перешёл в лагерь ультраконсерваторов, но, по крайней мере, я усомнился в безусловной пригодности этих учреждений. Всмотриваясь в то, что происходит в других странах, я вижу, что везде есть масса недовольных, везде борьба партий, взаимная ненависть и всё тот же произвол, и тот же беспорядок в большей или меньшей степени. Из этого я заключаю, что идеала правительственного нет и что люди осуждены в этом отношении до конца веков испытывать разочарования. Изредка появляются великие люди, благодетели человечества, управляющие справедливо, благодушно, пекущиеся в общем благосостоянии, а не о своём благе. Но это редкие исключения. Во всяком случае, я убедился, что благополучие больших политических единиц зависит не от принципов и теорий, а от случайно попадающих по рождению или вследствие других причин во главу правления личностей. Одним словом, человечеству оказывает услугу человек же, а не олицетворяемый им принцип. Теперь спрашивается: есть ли у нас человек, на которого можно возлагать надежды? Я отвечаю: да, и человек этот – Государь. Он произвёл на меня обаятельное впечатление как личность, но я и независимо от этих личных впечатлений склонен видеть в нём хорошего Государя. Мне нравится осторожность, с коей он вводит новое и ломает старое. Мне нравится, что он не ищет популярности, мне нравится его безупречная жизнь и вообще то, что это честный и добрый человек <...>”²⁷.

В годы правления Александра III при его непосредственном участии в России помимо Русской оперы были созданы Русский музей, активно работало Императорское историческое общество, во главе которого стоял сам император, было подготовлено создание Русского национального театра во главе с драматургом А. Н. Островским, состоялось открытие Императорского исторического музея, державной волей было учреждено Русское Императорское Палестинское общество. Недаром профессор Московского университета И. В. Цветаев назовет Александра Александровича “державным покровителем искусств и наук в нашем Отечестве”.

Русский философ В. Н. Ильин следующим образом оценил роль императорской власти в развитии русской культуры. “... Отца-Монарха, не только озабоченного материально-культурным обеспечением подданных-детей, но ещё и стремившегося облегчить им достижение высшего духовно-религиозного идеала. Последнее было тем более важно, что этот высший духовно-религиозный идеал был одновременно и источником высших культурно-творческих ценностей, которыми оправдана и отраднa человеческая жизнь на земле, та самая жизнь, которая по причине падшего состояния человеческой природы слишком часто склонна превращаться в ад. Этот ад в течение всей истории человечества очень часто принимал обличье утопизма и социально-революционного республиканизма... Алтарь же, Церковь Божия, есть вместе с тем и Народ Божий, которого гласом и согласием поставлялся Царь и строилась Земля. Вот почему можно и должно сказать, что прав был знаменитый В. О. Ключевский, объявивший Русскую Монархию самой демократической из монархий. К этому надо добавить, что Русская Монархия была и самой прогрессивной”²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 1-2. М., 2005.
- ² Волков С. Страсти по Чайковскому. Разговоры с Джорджем Баланчиным. М., 2001.
- ³ Хор любителей духовой музыки, состоящий под августейшим государя императора покровительством. Очерк 1858-1897. Сост. Н. В. Колокольцев, С.-П., 1897.
- ⁴ Фомин В. Старейший русский симфонический оркестр. Л., 1982; Липаев И. В. Оркестровые музыканты. Спб, 1904; Берс А. А. Воспоминания об Императоре Александре III. Спб, 1900.
- ⁵ Шаляпин Ф. И. Воспоминания. М., 2000. С. 347.
- ⁶ Волконский С. Л. Воспоминания. В 2-х тт. М., 1992. Т. 1.
- ⁷ Волконский С. Л. Воспоминания. В 2-х тт. М., 1992. Т. 1.
- ⁸ Направник В. Эдуард Францевич Направник и его современники. М., 1991.
- ⁹ П. И. Чайковский – К. П. Победоносцеву 19 мая 1881 г. // К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001. С. 96.
- ¹⁰ Шух М. Чайковский. СПб., 2009.
- ¹¹ Письмо Чайковского было опубликовано Цабелем в его книге “Anton Rubinstein. Ein Kunstlerleben”. Leipzig, 1892. // П. И. Чайковский. Избранные письма. Сост. и комм. Н. Н. Синьковской. М., 2002. С. 318-320.
- ¹² Волков С. Страсти по Чайковскому. Разговоры с Джорджем Баланчиным. М., 2001.
- ¹³ Чайковский П. И. Избранные письма. М.-Л., 1936. С. 215.
- ¹⁴ Там же. С. 229.
- ¹⁵ Чайковский П. И. Избранные письма. М., 2002. С. 65.
- ¹⁶ Там же. С. 216.
- ¹⁷ Чайковский П. И. Избранные письма. М., 2002. С. 298.
- ¹⁸ Там же. С. 76-77.
- ¹⁹ К. Р. Избранная переписка. СПб, 1999. С. 35.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Чайковский П. И. – Александру III 18 июня 1887 // Чайковский П. И. Избранные письма. М., 2002. С. 76-77.
- ²² Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 494.
- ²³ В каталоге сочинений Чайковского значится: 36 opus’ов, 10 опер, 3 балета, 1043 романса (Воронихин А. В. Исторический календарь Царствования Императора Александра III. Саратов, 2000. С. 247).
- ²⁴ Цит. по: Элла Матонина, Эдуард Говорушко. К. Р. М., 2008. С. 342-343.
- ²⁵ Чайковский П. И. В редакцию газеты “Русские ведомости”. М., 26 февраля 1893 года. Т. XVII. С. 201.
- ²⁶ Чайковский П. И. Избранные письма. М., 2002.
- ²⁷ Чайковский П. И. Избранные письма. М., 2002. С. 232.
- ²⁸ Владимир Ильин. Эссе о русской культуре. С.-Петербург, 1897.